

**Читайте романы мастеров закрученного сюжета
Анны и Сергея Литвиновых:**

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вожделения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернуться не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир

ПРОЛОГ

Варвара Кононова

Февраль

...Варя бросилась домой. Как девочка, летела по эскалаторам, перебежала на станциях из вагона в вагон, чтобы не терять времени на пересадке.

А телефоны Данилова все молчали.

По улице от «Новослободской» она мчалась во весь опор. Прохожие удивленно косились. Кто-то присвистнул вслед.

Она принеслась к подъезду. Влетела в лифт. Скорей, скорей!

Вот этаж. Дрожащими руками отперла входную дверь. Вбежала в квартиру.

Данилов лежал на кровати навзничь.

Он был изжелта-бледен, словно мертвый.

Варя бросилась к нему. К его бесконечно милому лицу.

Он все-таки дышал.

Часть первая

ВЧЕРА

Алексей Данилов

Семью месяцами ранее

Секс для них по-прежнему был великолепным.

Во всяком случае, для Леши Данилова.

Да и Варе он нравился. Он видел: нравится. И дело совсем не в том, что он, в силу своих сверхспособностей, знал, на какие точки нажимать и какие изгибы поглаживать. Совершенно не в этом дело. Он, наоборот, с Варей старался максимально закрыться. Не видеть ее, не слышать, не понимать. Видеть-слышать-понимать — имелось в виду в своем смысле, в экстрасенсорном. А то нечестно получалось, несправедливо: он для нее — герметично закрытая капсула. А она для него — настезь запахнутая книга. Нет, так — абсолютно не на равных! — он играть не хотел.

Поэтому всячески свои умения в себе выключал. Мысленно надевал на себя (когда с Варей общался) непроницаемый стакан. Но все равно — любящее сердце, оно ведь многое способно угадать. Его ведь не обманешь. И при чем здесь экстрасенсорика?

Вот и сегодня. Варя просто приехала к нему после работы. Усталая, расстроенная и злая. Для Данилова она —

возлюбленные договорились раз и навсегда — никакая не сотрудница сверхсекретной *комиссии*, а простая, согласно легенде прикрытия, заместитель генерального директора и айти-специалист в фирме «Ритм-21». Поэтому никакого разговора о том, что там, у нее на службе, стряслось, у них не случилось и случиться не могло.

А у Данилова в тот день на прием только три клиента-пациента записаны были, он их быстренько до обеда раскидал, а потом заскочил в магазин, купил красненького сухенького. Дома сварил макароны, смешал с фаршем и соусом. Получились макароны по-флотски, как отец любил, и мама часто готовила — обычное вроде бы, повседневное, проходное блюдо. Однако — о, великая сила *нейминга*, то есть наименования товаров и услуг: если обозвать нашенские макароны «спагетти болоньезе», они вроде бы сразу и красивее становятся, и вкуснее. И даже сытнее и полезнее.

Так что когда Варя приехала к нему в тот день домой, в Рижский переулок, он ее о работе не расспрашивал. Просто кормил, поил вином, ублажал, травил байки, всячески смешил. И довольно скоро, к моменту, когда кастрюлька с макаронами и бутылочка с кьянти подходили к доньшку, Кононова растаяла, размякла, разгладилась. Потом они чай пили с фруктами — Варя все с весом сражалась, сластей себе после часу дня не позволяла. А затем, совершенно естественным образом, очутились в постели.

Для Алеши, конечно, их любовь отчасти становилась рутиной — никакой интриги, как в молодости — будет, не будет? И какие усилия надо предпринять, чтобы *было*? И как оно там *будет*? Но зато есть немаловажный бонус: можно спокойно и глубоко отдаваться друг другу.

А тело Вари (как, впрочем, и душу ее) он любил — отчаянно. Роскошные плечи, большие руки, большие гру-

ди — все в Варе было слегка чрезмерно, но в то же время чрезвычайно гармонично.

И если любила она его — то любила самозабвенно: сжимая, рыча, запрокидываясь.

А потом они лежали рядом — в такие моменты в старых фильмах героини обязательно раскуривали сигарету, возможно, одну на двоих — но сейчас в кинематографе курению объявлен бой, да они и по жизни не курили оба. Поэтому просто лежали, слегка касаясь друг друга пальцами рук — это легкое, почти прозрачное, воздушное касание приятно контрастировало с недавним иступленным вжиманием друг в друга.

И тут Варя вдруг сказала:

— Помнишь, ты предлагал?..

— Что? — легкомысленно откликнулся Алеша.

— Пожить вместе.

— Да. И?

— И — я согласна.

— О, круто! Когда ты перевезешь ко мне свои вещи?

— Нет, давай лучше у меня, — ускользнула Варя. — Места в моей квартире больше. И вообще... — Она хотела сказать, что уже привыкла к своему жилищу и будет чувствовать себя в нем гораздо спокойней и уверенней, чем у него, — но промолчала, а Алексей и без того понял, что она не выразила (и сверхспособности здесь ни при чем).

— Можно и у тебя. Когда назначим переезд?

— Приезжай в выходные.

— Давай.

Вот так все и произошло — спокойненько и без фанфар. И то, что он давно предлагал Варе, свершилось: они стали жить вместе.

Однако... Однако... Однако... Ему не надо было быть особенно сильным экстрасенсом, чтобы понять: не так все просто. Что-то за этим Вариним предложением скрывает-

ся. Для чего-то его переезд был ей нужен. Нужен — причем по работе. *По службе.*

И эта мысль — как щелочь, как кислота или оскомина — стала подспудно беспокоить его. Отравлять ему жизнь.

Прошло четыре месяца.

Варя

Ноябрь

— Опять сны? — Варя участливо положила возлюбленному ладонь на лоб, погладила по плечу. Лоб был весь мокрый от пота, плечо влажное, да и подушка тоже. Данилов открыл глаза, косным со сна голосом пробормотал:

— Я опять кричал?

— Скорее стонал.

— Мешался тебе?

— Не без этого.

— Я сейчас уеду домой.

— Не пори ерунды. Пять утра.

— Ладно, пойду лягу в гостиной.

Варя ничего не возразила и включила ночник. Данилов, жмурясь, сполз с кровати, схватил свои подушку и одеяло и пошлепал прочь из спальни.

Варя посмотрела на часы на телефоне: начало шестого. За окном, за плотными шторами, ни зги не видно — только слышен отдаленный шум большого города, словно мерно дышит в полусне огромное животное или работает в отдалении гигантский завод. И еще почему-то чувствовалось, что скоро утро — может, оттого, что где-то за стенкой бормотал соседский телевизор или вот хлопнула дверь подъезда — раннеутренний горемыка отправился на работу, на службу, на вахту. Скоро выйдет скрести снег узбек-дворник, приедет мусорная машина

и станет грохотать баками. В последнее время, с тех пор как Кононова согласилась наконец, чтобы любимый переехал к ней, она в совершенстве изучила все, что звучало в городе с утра. *Пришлось изучить*. Потому что стонать, или кричать, или метаться Алеша начинал обычно в четыре — в пять. (А может, в более ранние часы ночи она слишком крепко спала и ничего не слышала?) От шума, что он производил, девушка просыпалась и, в свою очередь, расталкивала, будила его...

И в итоге оказывалась в дураках: он-то уйдет в другую комнату или перевернется на другой бок и снова заснет — а ей мыкаться. Когда достигнет ее сон, сморит — а когда и нет. Вот и получалось: Данилов, не связанный жестким графиком, мог отсыпаться, сколько душе угодно. Первый прием (тут с Сименсом имелась твердая договоренность) он никогда не назначал раньше часу дня. В крайнем случае, двенадцать у него было резервным временем. А ей к девяти ноль-ноль на службу. А в последнее время, с тех пор как Петренко сняли с начальников *комиссии* и на должность пришел полковник Марголин, опоздать нельзя ни на минуту. «Комиссия является, видите ли, прежде всего, воинским подразделением (как начал свое представление личному составу полковник), и потому дисциплина лежит в основании всей нашей деятельности». Вот и стали кадровики — клеветы Марголина (коих он вскоре возвысил) заниматься мелочными придирками — изучать каждодневно распечатку электронных карточек: кто из сотрудников во сколько прибыл на рабочее место, во сколько убыл.

Марголин был человеком противным. Служил он в комиссии всю жизнь, звезд с неба не хватал. Дорос до начальника исследовательского отдела, ковырялся во второстепенных делах, кропал отчетики. Люто всегда завидовал Петренко, который сделал впечатляющую карьеру.

И вдруг — возвысился. Судьба вознесла его на самый верх, на генеральскую должность. А выскочка Петренко рухнул на его место.

Разумеется, Варя от своего всегдашнего покровителя Петренко не отказалась. Наоборот, всячески продолжала демонстрировать ему свое благорасположение. Они с Даниловым даже пригласили Сергея Александровича с супругой Оленькой в гости к себе на Новослободскую. Когда все подвыпили, вышли вдвоем на балкон. Петренко не курил, но иногда, по пьяной лавочке (как он сам выражался), позволял себе сделать пару затяжек.

Варвара давно знала — да полковник сам ее учил, — что он обычно дает всем встречным короткие, емкие тайные прозвища. Так было легче потом вспоминать и характеризовать свидетелей и подозреваемых. Коконова этой методой тоже пользовалась. И тогда на балконе, пользуясь тем, что бывший шеф находится в расслабленном состоянии, спросила:

— А сослуживцам вы тоже, Сергей Александрович, клички даете?

— Еще как!

— И как же вы, к примеру, зовете Марголина?

— Козел Винторогий.

Варя расхохоталась, а потом сообразила: как точно! Марголин — высокомерный, надменный, с брюзгливо оттопыренной нижней губой, — прекрасно этому прозвищу подходил.

— Только ты, Варвара, тсс, никому.

— Договорились. Только если скажете, как вы зовете меня.

Петренко выпалил не задумываясь (поистине, спиртное развязывает языки настолько, что потом пожалеть можно):

— Девушка с Веслом. А еще — Гренадер-Девица.

Варя рассмеялась, но, честно говоря, расстроилась. Да, она большая, высокая, статная — сто семьдесят восемь сантиметров, шутка ли! Но неужели в ней нет иных изюминок, что ее Гренадером следует величать?

Петренко (кстати, ниже Кононовой на полголовы) почувствовал ее настроение, погладил по плечу:

— Но я эти имена с ходу, при самом первом знакомстве придумываю. По начальному, чисто зрительному впечатлению. Теперь ты для меня Варвара-Краса, Варвара-Умница.

— Ладно, не подлизывайтесь. А как вы моего Данилова прозвали?

— Румяный Умник. Но это тоже с самого первого знакомства, когда мы его только разрабатывать начали¹.

Румяный Умник, Румяный Умник... — ночные Варины раздумья перекинулись с бывшего командира на возлюбленного, с которым они почти полгода как делят кров и пищу.

«Может, — в который раз спросила себя она, — то, что она согласилась-таки на настойчивые просьбы Алеши жить вместе, было ошибкой? Еще одной грандиозной ошибкой ее жизни? Все у нее в жизни не так, — ворочаясь, досадливо, в приступе самобичевания подумала Кононова, — все не как у людей! Мало того что угодило влюбиться в свой собственный объект — признанного экстрасенса, мощнейшего биоэнергооператора. Вдобавок пошла у него на поводу!»

Взялись они, видите ли, вместе спасти мир². И потому она нарушила все возможные приказы и должностные инструкции. Результатом, после разбора полетов, стало

---

¹ История этого описана в романе Анны и Сергея Литвиновых «Пока ангелы спят».

² Подробнее об этом можно прочитать в книге Анны и Сергея Литвиновых «Аватар судьбы».

почти невиданное в истории *комиссии*: Кононову понизили в звании — была майором, стала капитаном. Понизили и в должности: слетела до обычного оперативника, как начинала свою службу. Был бы жив отец-генерал — стыда бы перед ним не обралась. И то — начальники над нею сжалились: ведь собирались и грозились вовсе разжаловать и выгнать из рядов с позором.

Спасибо, Петренко бросился, как всегда, на ее защиту. Отстоял. Однако и сам тоже благодаря ее поведению пострадал. Он, правда, звезд на погонах не лишился, хотя грозили, но в должности его понизили на две ступени. Был начальником *комиссии* — превратился в начальника отдела. Причем отдела второстепенного, как считалось у них — не оперативного, а исследовательского. То есть командиром ее быть перестал. А Варя, получилось, лишилась его покровительства.

И лишь Данилову хоть бы хны! Он, как человек гражданский, совершенно ничего не претерпел. Хотя, может быть, как раз претерпел? Может, сны, которые его каждую ночь одолевают, неспроста? И злилась Варя на него ужасно, и жалко ей его было. (Противно тикал на тумбочке будильник, как бы зловредно напоминая: все равно никакого сна у тебя не получится, скоро тебе вставать. Варя повернулась на другой бок и защитилась от настырного: положила на ухо подушку.) Ах, Алешенька, Алешенька, как же он так ее присушил? Ведь если бы ее вдруг начистоту спросили: променяешь Алешку на самую что ни на есть блистательную карьеру? — она бы, положа руку на сердце, сказала: нет. Прикипела она к нему. Приварилась. Ни за что теперь от него добровольно не отлепится.

И вот, поди ж ты! Не такой он писанный красавец — носик уточкой. Особо выдающимся ростом или богатырским сложением не отличается. Какими-то экстремальными деловыми качествами тоже не блещет. Умом исключительно

острым не отличается. И образован, честно говоря, так себе. Подумаешь, какой-то журфак — сплошная говорильня! Может, если б не хватка его постоянного импресарио Сименса, вовсе разорился бы благодаря своей исключительной чуткости и бескорыстию. НО. Это все были не недостатки, а *отсутствие совершенств*. И Алеша, пусть далеко не идеал и совсем не принц на белом коне, — он Варю понимал, чувствовал, любил. Он никогда на нее не злился, не орал, не повышал голос. И было ей с ним всегда — даже в самые тяжелые, пиковые моменты — уютно и удобно, как у Христа за пазухой. Да, вот именно, хорошее выражение: как у Христа за пазухой.

Может, все дело, как это раньше называлось, в его *природном магнетизме*? Даром ли Данилов столь признанный экстрасенс? Варя не раз замечала: вот они вместе с ним входят в какое-то людное место. В кафе, например. Или, допустим, на каток. Или хотя бы в сберкаассу. И атмосфера с появлением Алешеньки как бы сгущается. Многие — особенно, блин, бабы, тетки эти противные, в возрасте от пятнадцати и до семидесяти — начинают обращать на него внимание. Подбираются. Поблескивают глазами. Оборачиваются. А он как будто ничего не замечает — по-прежнему ведет себя как безупречный Варин рыцарь. Никаких никогда поползновений налево, флирта или кокетства! Как будто никто для него не существует — а от этого он для хищниц этих, которые за каждым углом таятся, становится только еще притягательнее.

И именно ведь женщины являлись его основным контингентом. Противно даже думать, о чем он там с ними говорит в ходе своих тет-а-тетов! Что они там перетирают и что он *видит* из их жизни во время своих сеансов! Жарко и злобно даже представить, как во время его работы — куда, к сожалению, у нее никакого допуска нет — многие

телки наверняка из трусов своих выпрыгивают, пытаюсь соблазнить, а то и заполучить его.

Поэтому, когда Леша во второй раз в своей жизни — безо всяких поползновений с ее стороны, сам, первый! — стал настаивать, чтобы им съехаться и жить вместе — и как раз это совпало с колоссальными неприятностями у нее на службе, — Варя согласилась. Бог с ней, с опаской, что он видит-слышит-чувствует ее как облупленную!

Но любовь и боязнь, что уведут, — далеко не все причины были, что они вместе жить стали, *совместно* (как пишут в определениях суда) *вести хозяйство*. Имелось и еще одно обстоятельство, за которое Варе становилось мучительно стыдно. И она прятала его на самом доньшке своего сознания, и молилась, чтобы Данилов ни в коем случае не увидел, не понял, не углядел.

И — да, все дело было как раз в них, в снах.

Время близилось к шести утра, и, несмотря на то что спать хотелось страшно, Варя поняла, что вряд ли уснет. Да и был ли смысл забыться ненадолго, чтобы в половине седьмого подниматься под позывные будильника! Зашаркал лопатой узбек под окном, скоро за стеной, у глухой бабушки, вдовы генерал-полковника Кожемякина, заиграет гимн...

Варя поднялась и, проклиная и злясь (впрочем, все-таки несерьезно, вполнекала ругала она саму себя и Данилова), набросила халатик и отправилась на кухню варить кофе.

Алеша спал в гостиной, на любимом отцовском диване, уткнувшись в спинку головой и завернувшись в одеяло. Не кричал, не стонал, даже как будто бы не дышал — слово выполнил свое предназначение, разбудил ее, и теперь, удовлетворенный, успокоился. Варя почувствовала, как изнутри поднимается гнев. Вот и жалко его, и раздражает он ее, даже против воли. Да, непростой она оказалась штукой — совместная жизнь.